

Особенности фантастического пространства и изменения в его восприятии в трилогии К. Функе «Чернильное сердце»

Аннотация: Сюжет «Чернильной трилогии» современной немецкой писательницы К. Функе предполагает существование фантастических пространств, являющихся мирами литературных произведений, и возможность перемещения туда. Мир, являющийся реальностью для героев, с одной стороны, может быть приравнен к нашей современной действительности, но с другой, обладает рядом черт, характерных для хронотопа фантастической детско-юношеской литературы, и также может рассматриваться как в определённой степени фантастическое пространство. По мере развития сюжета герои и читатели сперва знакомы только с ограниченной информацией о мире внутри книги «Чернильное сердце» писателя Фенолио, и поэтому склонны идеализировать его, но затем перемещаются внутрь этого мира, что позволяет показать его как более неоднозначный и проблематичный. В конце трилогии уже условно реальный мир становится пространством фантастического с точки зрения жителей другой реальности.

Ключевые слова: фэнтези, Корнелия Функе, мир посмертия, вторичный мир

Specific Aspects of the Fantastical Space and Its Changing Perception in the “Inktrilogy” by K. Funke

Abstract: The plot of the “Inkheart” trilogy by the contemporary German writer K. Funke suggests existence of fantastical spaces which are the worlds of literature works and a possibility of travelling into them. The world that is the native reality for the heroes can be understood as our contemporary reality, but it also has some characteristic features of fantastical settings of children literature and can be seen as a fantastical space in its own rights. At the beginning of the story, its heroes and the reader have only a limited knowledge of the secondary reality of a world inside the book “Inkheart” by Fenolio, which makes them idealize it. After coming inside that world, they see it as more problematic and complex. At the end of the trilogy, the so-called real world is shown as a fantastic space from the point of view of a person from a different reality.

Keywords: Kornelia Funke, fantasy, secondary world, afterlife

Корнелия Функе — одна из наиболее известных современных немецких авторов, работающих с детской и юношеской литературой. Её «Чернильная трилогия» предназначена для читателей-подростков и рассказывает о тринадцатилетней Мегги, которая, как и её отец, обладает волшебной способностью: читая вслух, они могут случайным образом поменять местами персонажа из книги и реального человека. В первом томе трилогии героям приходится бороться с сошедшим со страниц фантастической истории разбойником Каприкорном, а во втором они сами входят внутрь книги.

Сюжет «Чернильной трилогии», таким образом, подразумевает существование фантастических пространств, являющихся мирами литературных произведений, и возможность перемещения туда и обратно. События первого тома разворачиваются в условном реальном мире. Однако фантастическое допущение волшебной способности героев — не единственная его необычная черта. В тексте заявляется XXI век как время действия, но очевидных признаков современности не много, это упоминания автомобилей, полиции, мусорных баков¹. Место действия остается весьма неопределённым. Герои носят усреднённо европейские времена (Мегги, Мортимер, Элинора, Тереза), а единственное упоминаемое мельком географическое название — Лигурия. Действие происходит в удалённой от городов безлюдной местности, в изолированных и необычных локациях. Мегги и Мо живут на бывшей ферме в двадцати минутах езды на велосипеде от ближайшей деревни со школой, и их дом заполнен лежащими всюду книгами, а сердцем его является

переплётная мастерская. Двоюродная бабушка Мегги Элино́р богата, и её дом — это целая усадьба с устрашающими железными воротами, напоминающими Мегги сказку Уайльда «Эгоистичный великан». Здесь так же много книг, но Элино́р хранит их в безукоризненном порядке, а самые ценные старинные экземпляры — даже под стеклом. Книги и чтение — это общая страсть всех членов семьи Мегги, и они постоянно ассоциируются в трилогии с утешением и безопасностью. Поэтому и с сюжетной, и с образно-тематической точки зрения логично, что являющиеся домашними для главной героини пространства связаны с книгами.

Разбойник Каприкорн устроил себе логово в заброшенной деревушке в горах. Функе подчёркивает её мрачный вид: улочки серые и такие узкие, что Мегги как будто не хватает воздуха, часть домов развалилась, построены они из грубо отёсанного камня, и даже фонари на площади не просто светят, а рисуют зловещие тени на мостовой². В качестве тронного зала Каприкорн использует местную церковь, перекрасив её изнутри в красный цвет, поставив при входе собственную статую, а вместо алтаря — кресло-трон. Люди Каприкорна носят чёрное, а он сам — красный, и это единственные цвета в описании его деревни, создающие мрачное, inferнальное впечатление. Всё это пропитанное атмосферой страха и насилия место вызывает ассоциации с готическими романами.

Каприкорн — выходец из фэнтезийной истории со средневековым антуражем и наводит в своих владениях схожие порядки, там бессильны современные законы. Уединённость домов Элино́р и Мо также делает их лёгкой добычей для разбойников. Чтобы победить злодея и остановить его вторжение в свою жизнь, герои должны принять правила игры фантастического мира, обхитрить и победить Каприкорна с помощью таланта, смелости и волшебства.

Таким образом, реальный мир изображается Функе в упрощённом виде как набор подробно описанных уединённых локаций, существующих по собственным правилам и мало связанных с чем-либо за их пределами. Между ним и мирами литературных произведений возможны перемещения, и в кульминации «Чернильного сердца» в реальном мире сперва появляется жуткое чудовище, а потом несколько десятков кобольдов, фей и стеклянных человечков, т.е. в реальность просачивается всё больше элементов фантастического. В определённом смысле можно сказать, что этот мир тоже является отчасти фантастическим. Такой подход к изображению реальности достаточно типичен для произведений детской литературы³.

Другой изображённый в «Чернильной трилогии» мир изначально представляется как производный от реальности, вторичный, созданный воображением одного из героев, писателя Фенолио. Одной из центральных тем трилогии являются отношения между вымышленным миром и его создателем⁴. Книга Фенолио называется «Чернильное сердце», и место действия в ней получает название Чернильный мир, одновременно отсылающее и к заглавию произведения, и к тому факту, что он как бы создан из чернил. Усилиями Каприкорна почти все экземпляры этой книги уничтожены, и главная героиня и вместе с ней читатель возможности прочитать «Чернильное сердце» Фенолио не имеют и изначально представляют его мир только с чужих слов. Долгое время известно главным образом то, что там обитает множество волшебных существ: феи, кобольды, великаны, стеклянные человечки, а природа одушевлена. Огнеглотатель Сажерук тоскует по огню своего мира, который умеет говорить и веселиться, а злодей Каприкорн с отвращением вспоминает: «Шепчущиеся деревья, лепечущие пруды... Там было хоть что-нибудь неболтливое?...»⁵. Однако несмотря на высказываемую Каприкорном неприязнь к миру, откуда он пришёл, Фенолио отмечает, что выбранная разбойником как штаб-квартира деревня очень похожа на места, описанные в книге, т.е. на самом деле даже он подвержен ностальгии, и это усиливает мотив привлекательности фантастической реальности.

В начале второго тома трилогии главной рассказчицей о Чернильном мире становится проведшая там девять лет и вернувшаяся в конце первой книги мать Мегги, Реза. Мегги зачарована её рассказами и рисунками о мире, «где встречались феи и князья, русалки,

огненные феи и деревья, достававшие, казалось, до самого неба»⁶. Она снова и снова спрашивает мать и записывает её истории, чем расстраивает отца, который предпочёл бы, чтобы они совсем забыли о Чернильном мире, укравшем у него на девять лет жену. Мо предупреждает Мегги, что в том мире много мрака и насилия, и правит там не справедливость, а сила⁷. Но для матери и дочери, совсем не помнивших друг друга после многолетней разлуки, мечты о чудесах Чернильного мира становятся способом сблизиться. Поэтому, хотя для Резы это были тяжёлые и страшные годы в плену и в услужении, она рассказывает Мегги вещи, которые могут ту заинтересовать, и девочка запоминает в первую очередь кажущиеся ей романтическими (переодевание в мужчину, чтобы работать писцом) или весёлые истории (средневековые празднества). Чернильный мир представляется ярким, полным красок и волшебства, харизматичных персонажей и средневековых диковин, эстетизируется и экзотизируется.

Первая непосредственная встреча с этим миром для читателя происходит через Сажерука, когда тосковавшему по родине огнеглотателю удаётся вернуться туда. Он оказывается в чаще леса, и Функе любовно описывает цвета и запахи, нежные звёздочки цветов и развесистые деревья, рядом с которыми леса нашего мира выглядят молодыми⁸. Сажерук общается с огненными эльфами, русалками и феями и чувствует восторг от того, что он наконец дома. Первое впечатление от Чернильного мира для читателя таким образом соответствует заранее сложившимся ожиданиям и связано с положительными эмоциями.

Всё начинает меняться, когда читатель получает возможность взглянуть на этот мир изнутри. Сажерук ищет старых товарищей, и мы сталкиваемся с грязью и несоответствием современным гигиеническим нормам («В том мире, где он жил ещё три дня назад, на такой грязный порог не ступил бы, наверное, ни один посетитель»⁹), а затем узнаём, что простые люди живут бедно и трудно, а комедианты не имеют никаких прав, и даже их убийство не наказывается по закону. Новости последних лет также звучат тревожно: место Каприкорна занял другой жестокий разбойник, сын местного герцога уничтожил его банду, но сам погиб, и бывший весёлый Жирный герцог в горе перестал заботиться о своих подданных, а его сосед, жестокий князь Змеглав, бесчинствует и тиранит народ. Сажерук расстроен такими известиями, но думает, что «десять лет мечтал только о возвращении — не в рай, а всего лишь домой»¹⁰. Идиллические представления о Чернильном мире оказываются впервые поколеблены.

Затем внутрь него переносится Мегги, а за ней следуют и её родители. Мегги оказывается в Непроходимой Чаще и, хотя её защищает её друг Фарид, выходец из сказок «Тысячи и одной ночи», трое суток в диком лесу даются современной девочке тяжело. Встретив Фенолио, она жалуется: «Зачем ты только сочинил этих волков? И ещё этих альбов и осинников? Они швыряли в Фариду камнями и царапали нам когтями лицо»¹¹. На Мо и Резу сразу после перехода в Чернильный мир нападают разбойники с принесённым из реального мира оружием, и Мо едва не умирает от огнестрельной раны. Затем герои попадают в темницы, видят притеснения бедняков, наказание у позорного столба, причём Функе подчёркивает, что такое бывало и при добром герцоге¹². На первый план выходят мотивы уже не красоты и сказочности фантастического мира, а насилия и опасности, царящих в нём.

Важное место в сюжете занимает тема положения женщин в средневековом патриархальном обществе. К ним относятся пренебрежительно, воспринимают исключительно как чьих-то жён и дочерей, а не самостоятельные личности. Мегги многократно напоминают, что в этом мире женщинам положено не поднимать лишний раз глаз, а девочек её возраста выдают замуж¹³. Реза сталкивается с угрозой сексуализированного насилия¹⁴. Героиням приходится действовать, преодолевая местные предрассудки.

Мегги отправляется в Чернильный мир из-за собственного любопытства и чтобы не расставаться с Фаридом, в которого она влюблена, а тот стремится найти своего старшего друга и учителя Сажерука. Но оказавшись там, герои оказываются втянуты в водоворот

борьбы за власть между местными феодалами. Ещё не зная, что Мортимер оказался в Чернильном мире, Фенолио использовал его как прототип для нового персонажа, разбойника Перепела, защищающего простых людей от солдат жестокого Змееглава. Этот образ начинает всё сильнее влиять и на то, как Мо воспринимают другие, и на его собственное поведение и восприятия мира. Постепенно он полностью принимает на себя роль Перепела, становясь главой разбойников-повстанцев.

К концу второго тома трилогии герои ощущают себя скорее пленниками, против воли пойманными жестоким Чернильным миром: «...книга Фенолио крепко держала и всех чёрными чернильными руками, нашёптывая ужасы о вооруженных мужчинах, уводивших детей, стариков и больных, матерей и отцов»¹⁵. «И вся красота этого мира — сплошной обман, она придумана только для того, чтобы отвлекать от тьмы, горя и смерти», — говорит Реза¹⁶. Опасность, угрожающая близким людям, заставляет героиню в какой-то момент хотеть сбежать из этого мира: «Мо, ты что, забыл, сколько на свете книг? Давай поищем другую которая нам понравится, но слова пусть остаются словами, а не превращают нас в плоть от своей плоти!»¹⁷.

Но постепенно их отношение меняется. Чем более близким становится знакомство героев с этим миром и с другими персонажами, тем более личным делается их восприятие событий сюжета и противостояния с антагонистами. Чернильный мир всё более ощущается ими как настоящий. Он развивается по собственным законам, и попытки Фенолио управлять им часто приводят к совершенно не запланированным результатам. Мортимер первым начинает сомневаться, есть ли на самом деле онтологическая разница между двумя мирами: «Может быть, мы просто из одной выдуманной истории провалились в другую?»¹⁸? «Неужели ты всё ещё веришь, что существует один настоящий мир, а остальные — лишь его бледные отпечатки?»¹⁹. Буквально вписанный автором в сюжет книги, Мо быстрее жены и дочери начинает ощущать Чернильный мир своим домом. Двойкость образа Чернильного мира хорошо передана Функе в следующем абзаце: «Так хорошо было ехать верхом, просто ехать по Чернильному миру, который разворачивался перед ними, как искусно сложенная бумага. С каждой милей Мо сильнее и сильнее сомневался в том, что всё это действительно возникло из слов Фенолио. Гораздо более вероятным казалось, что старик лишь рассказал о крошечном кусочке этого мира, об отрезке, за пределы которого они уже выехали»²⁰. Если в первом предложении мир сравнивается с поделкой из бумаги, то далее в мыслях Мо он предстаёт уже абсолютно настоящим и существующим независимо от воли своего предполагаемого автора. И Мегги, и Мортимер ощущают себя частью происходящих событий и ответственными за них и участвующих в них людей. Скучая по своему прежнему безопасному миру и близким людям, они не могут бросить Чернильный мир, пока история не закончится и у них есть шанс повлиять на концовку²¹.

Существует ещё одно фантастическое пространство внутри Чернильного мира — пространство посмертия. Мортимер пытается вернуть погибшего Сажерука и встречается со Смертью, которая называет себя Многоликой, «началом всех историй и их концом», «правительницей страны, где умолкают все слова и откуда все слова родом»²². Читатель получает возможность заглянуть в её мир через восприятие Сажерука. Дочери смерти, призрачные Белые Женщины, приводят огнеглотателя в некое полное голубизны место, предупредив, что в стране смерти есть и более тёмные. Обычно из посмертия уходят в новую жизнь, но Белые Женщины хотят оставить Сажерука при себе навечно, потому что он принёс им диковину, которой во владениях смерти нет — огонь. Т.е. речь не идёт о посмертных награде или наказании, только о личных отношениях героя с хранительницами этого пространства, мир посмертия является нравственно нейтральным и преходящим в терминах Е.Н. Ковтун²³. От мира живых страну смерти отделяет голубая река, в которой Белые Женщины выполаскивают сердца умерших, и те теряют память. В мире смерти можно встретиться с другими покойниками, но не происходит узнавания. Главная особенность этого пространства — царящее в нём умиротворение. «Неправда, что в стране

смерти царит бесчувствие. Здесь слышат и видят, обоняют и осязают — только сердце остаётся при этом странно спокойным, словно отдыхая перед новой пляской»²⁴. Когда Сажеруку приносят его умершую от болезни маленькую дочь, он не узнает её, и «его сердце лишь помнило о боли, но не ощущало её. Оно чувствовало только любовь, одну лишь любовь»²⁵ — но приходится предположить, что это любовь в отсутствие памяти обезличенная и отстранённая. Неслучайно, вернувшись в мир живых, Сажерук ощущает себя виноватым и хочет выжечь имена дорогих людей у себя в сердце, чтобы больше никогда не забыть их после смерти.

В конце «Чернильной трилогии» фантастический мир, судьбу которого они помогали решить, окончательно становится для всех героев своим. Мо уже некоторое время ощущал его второй родиной. Мегги влюбляется и выходит замуж за местного юношу. Реза во время событий кульминации съела слишком много волшебных ягод и навсегда стала отчасти ласточкой. Все они остаются жить в Чернильном мире и счастливы там.

В этот момент меняется уже восприятие условного реального мира. Дориа, юноша, в которого влюбляется Мегги, с любопытством расспрашивал её о месте, откуда она пришла, о чудесных вещах вроде летающих машин, карет, едущих без лошадей, шкатулок, из которых играет какая захочешь музыка²⁶. Фенолио вспоминает, что когда-то написал черновик повести, где персонаж по имени Дориа изобрел летательный аппарат, часы и печатный станок под вдохновением от историй его жены, бывшей родом из далёких стран²⁷. И в эпилоге упоминается, что Дориа сумел смастерить крылья, на которых можно было пролететь небольшое расстояние.

Эпилог отстоит от основных событий на несколько лет и написан с точки зрения маленького сына Мортимера и Резы, который родился в Чернильном мире и обожает слушать захватывающие истории про «мир, где всё устроено по-другому»²⁸. Видя, что взрослые только обещают, но не спешат отправляться в этот удивительный мир, где «есть звери, которые носят детенышей в сумке на животе, и птицы, машущие крыльями так быстро, что это звучит как жужжание шмеля»²⁹, мальчик решает сам отыскать способ это сделать. Таким образом, уже наша реальность предстаёт как вдохновляющий и манящий экзотический фантастический мир. Начав с представления об одном мире как о настоящем, а втором — как производном от него, Функе постепенно переходит к изображению Чернильного мира как полноправной самостоятельной реальности, а в конце совершает полную инверсию миров.

Темы вымысла и реальности, смерти, гендерных ролей являются центральными для «Чернильной трилогии» К. Функе, и особенности изображаемых ей фантастических пространств служат их более полному и яркому раскрытию.

Примечания:

¹ Функе К. Чернильное сердце. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 133.

² Там же. С. 122.

³ Леонова Е.Ю. Понятие «Детская литература»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 18.

⁴ См. об этом статью: Иванова Е.А. Фантастическая реальность и её автор в «книгах о книгах» немецкого фэнтези // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 155–163.

⁵ Функе К. Чернильное сердце. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 161.

⁶ Функе К. Чернильная кровь. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 34.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ Там же. С. 23–25.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 72.

- ¹¹ Там же. С. 148.
- ¹² Функе К. Чернильная смерть. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 69.
- ¹³ Функе К. Чернильная кровь. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 233.
- ¹⁴ Функе К. Чернильная смерть. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 193.
- ¹⁵ Функе К. Чернильная кровь. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 334.
- ¹⁶ Функе К. Чернильная смерть. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 118.
- ¹⁷ Там же. С. 151.
- ¹⁸ Там же. С. 46.
- ¹⁹ Там же. С. 155.
- ²⁰ Там же. С. 420.
- ²¹ Там же. С. 201–202, с. 278.
- ²² Там же. С. 233–234.
- ²³ Ковтун Е.Н. «Интертекст Мира Посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функциональность художественной модели // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 43, 48.
- ²⁴ Функе К. Чернильная смерть. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2017. С. 237.
- ²⁵ Там же. С. 239.
- ²⁶ Там же. С. 220.
- ²⁷ Там же. С. 491.
- ²⁸ Там же. С. 151.
- ²⁹ Там же. С. 656.

Сведения об авторе: Иванова Елизавета Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, Саратов
E-mail: elivan1988@gmail.com

Information about the author: Elizaveta A. Ivanova, Candidate of Philological Studies, Senior Lecturer of the Department of Humanitarian Disciplines of the Saratov State Conservatory Named by L.V. Sobinov
E-mail: elivan1988@gmail.com